

Рюрик Чемякин

НА СЕМИДЕСЯТОЙ ПАРАЛЛЕЛИ

ЛИРИЧЕСКИЙ ФОТОАЛЬБОМ
О ПРИРОДЕ СЕВЕРА

Рюрик Чемякин **На семидесятой параллели:** Лирический фотоальбом о природе Севера. – Санкт-Петербург, 2009. – 224 с.

Книга-фотоальбом “*На семидесятой параллели*” написан и иллюстрирован профессиональным зоологом, более сорока лет работающим на Кольском полуострове на побережье и островах Баренцева моря. Часть фотографий сделана на Белом море.

Данная книга – редкость в отечественной анималистической литературе. Часто в подобных изданиях бывает много фотографий и мало текста или, напротив, обширный текст сопровождается скромным числом снимков. Здесь же почти каждая из нескольких сот фотографий снабжена развернутым комментарием.

Заметно, что автору хочется как можно больше сказать о героях своих съемок. И это неудивительно, так как многие из них долгое время были объектами его научного изучения и наблюдений. Именно отсюда – научно выверенный текст книги и биологическая точность описаний, а также лирическая окраска всего повествования.

Следует добавить, что большая часть съемок проводилась на заповедной охраняемой территории, и в книге запечатлен как бы эталонный образец природы Кольского полуострова и побережья Баренцева моря. В связи с предстоящим крупномасштабным освоением арктического шельфа, его нефтегазовых месторождений, это представляет несомненный интерес. Мы наглядно видим, что нам надо сберечь-сохранить при решении столь грандиозной задачи.

Другой природоохранный аспект книги – воспитательный. Деликатное отношение автора ко всем окружающим его птицам, растениям, зверям лишний раз подчеркивает мысль, что современному человеку считать себя царем природы, по крайней мере, неэтично, в то время как общение на равных, напротив, делает его выше, обогащает.

И наконец, приятно отметить, что место действия этой книги – милый для многих людей Север, подчас неосознанно, но горячо ими любимый, с его неяркой сдержанной, но несомненной красотой.

Фото, текст	Рюрик Чемякин
Макет, допечатная подготовка	Геннадий Александров, Рюрик Чемякин

Кольский центр охраны дикой природы признателен всем людям и организациям, оказавшим помощь в создании этой книги... Мы благодарим...

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	6
НА СЕВЕР, ДОМОЙ	13
ЧУТЬ К СЕВЕРУ	22
МОРСКАЯ ДУША ВБЛИЗИ	29
ГАГИ, ГАГАРЫ, ГАГАРКИ	36
“ИДУЩИЕ ВБРОД”	40
ХОЗЯЙКА ТУНДРЫ	52
УНИВЕРСАЛЬНЫЕ СОЛДАТЫ	56
ЖИТЕЛИ ПОДЗЕМЕЛИЙ	64
СКРОМНЫЙ ГЛАВА БОЛЬШОГО СЕМЕЙСТВА	76
БРИТВОКЛЮВ	82
ЛЕТО КРАСНОЕ	86
О БАКЛАНАХ. БЕСПРИСТРАСТНО	94
МАМЫ, ТЕТУШКИ, ЯСЛИ	102
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И ДРАЧУНЫ	107
ГУСИ КРИКЛИВЫЕ, ГУСИ МОЛЧАЛИВЫЕ	114
КРЫЛАТЫЕ ХИЩНИКИ	120
СЕМЕЙНЫЕ ХЛОПОТЫ ЧАЕК	124
НА ТЕРРАСАХ МОРСКИХ НЕБОСКРЕБОВ	135
МОЕВКИ	144
СЕРОГЛАЗЫЕ ПРИШЕЛЬЦЫ	161
ОПЬЯНЕННЫЕ ВЕТРОМ	173
НА СУШЕ, НА ВОДЕ, ПОД ВОДОЙ...	182
ПОРА НА ЗИМНИЕ КВАРТИРЫ	191
ПРИЧУДЫ ОСЕНИ	202
“ИДЕТ ВОЛШЕБНИЦА ЗИМА...”	212
В СУМЕРКАХ НОЯБРЯ	214
НА ЛЬДУ, ПОД СНЕГОМ, НА СНЕГУ...	218

ОТ АВТОРА

В очередной раз взглядываю в окно: не расходится ли туман? Нет, не расходится. Белесые волны, то погуще, то побледнее, все так же безмолвно идут на северо-запад, скрывая небо, море, сопки и замыкая мой мирок в ватный кокон без пространства и, чудится, без времени.

Иногда в просвете между очередными валами тумана проглядывает фигура морского зайца. Этот тюлень с пышными вислыми усами почти ежедневно часами нежится на скалистом мыске метрах в восьмидесяти от кордона. Он действительно “нежится”. То свернет-развернет задние лапы, то помашет передними, то, томно изогнувшись, прижмется шеей и головой к покрытой водорослями скале. Конечно, все это я подсмотрел раньше, до тумана. Теперь-то вижу лишь временами появляющийся силуэт тюленя.

...Я же изнываю от безделья. Фотографировать, разумеется, невозможно. Дрова запасены, вода нашошена и отфильтрована от обитавшей в ней живности. Все, что нужно, давно наточено. Все нуждавшееся в починке – починено. Книг в экспедиции я не

беру: то ли из-за веса, то ли из принципа – уже не различаю. Разве что инструкция к “Кэнону”. Но и она уже изучена вдоль и поперек.

Остается одно занятие, от которого я уже давненько отлыниваю под всякими существующими и несуществующими предлогами, – авторское предисловие к этому альбому. Ну что ж, ничего другого не остается. Приступим в таком случае к предисловию...

...Когда-то, больше сорока лет назад, один мой сокурсник по биофаку поделился мечтой, что он хотел бы по окончании университета стать кинооператором-анималистом. Странновато теперь представить, но тогда его идея меня не только не увлекла, но даже и не заинтересовала. Я хотел стать просто зоологом.

И это притом, что к тому времени с фотографией я был более-менее знаком и почти полюбил ее благодаря моим старшим братьям Олегу и Игорю, которые увлеклись ею в начале-середине пятидесятых. В то время, насколько я помню, вообще был повальный интерес ко всему, связанному с кино или фотографией.

“Комсомолец”, “Любитель”, “ФЭД”, “Зоркий”, “Смена”, позднее “Зенит”. Сколько интересного и волнующего связано с этими марками фотоаппаратов! И со всем, что входило в их круг, в их среду. Катушки пленки, кюветы, проявители-закрепители, контактные рамки, ролики для прокатки фотографий, блестящие глянецватели. Необыденное и таинственное начиналось у нас с братьями уже с “фотолаборатории” – тесного погребка с его темнотой, паутинками, запахами и некой чертовщинкой из страшных сказок. А красный фонарь! Он окончательно придавал всему происходящему ауру священнодействия, чего-то почти эзотерического. А самый волнующий и уж точно связанный с чудесами этап – проявление. У кого из тогдашних фотографов-неофитов не начинало чаще биться сердце при появлении изображения в проявителе!..

...Я не хотел, как я говорил, стать фотографом-анималистом. И не стал им. Просто, как и многие зоологи, время от времени с большей или меньшей систематичностью снимал пейзажи, природу,

растения и тех животных, которые были объектами наших наблюдений, охраны, изучения.

...Изменялась фототехника. Появились телеобъективы, фоторужья. Конечно, как водится в России, появились и изобретатели-самодельщики. Я тоже отдал дань изобретению и изготовлению объективов, штативов, штативных головок и прочего. Но не для фото-, а для киносъемки. Основой оптики были, естественно, линзы заводского изготовления и подзорные трубы, а на корпуса и детали шли алюминиевые кастрюли, бидоны, вафельницы и вообще все, что подворачивалось под руку. Как ни странно, все конечные продукты были вполне работоспособны, иногда не уступая заводским изделиям и даже кое в чем превосходя их.

Однако все эти занятия – и изобретательство и съемка – требовали, во-первых, времени, во-вторых, денег. И, в-третьих, постоянных поездок в Москву. Гнет дефицита был постоянным, изматывающим и раздражающим. Но самое главное – я ведь все же был зоолог, и появляющиеся идеи также требовали реализации. Все это вместе взятое в конце кон-

цов привело к тому, что в борьбе за время победил сбор научного материала, а фотография, кино и все с ними связанное ушли в небытие на два с лишним десятилетия...

После ностальгических воспоминаний, посвященных прежней фотографии, не могу не пропеть осанну фотографии нынешней, которая, к счастью, тоже не миновала меня. А современные фотография и видео, безусловно, заслуживают восхвалений.

Моя фотографическая реинкарнация произошла как-то внезапно и случайно. Бродя бесцельно по супермаркету, заглянул и в фотоотдел. Удивился, почему фотоаппарат продается без объектива. Юный продавец, в свою очередь, удивился моему удивлению: сейчас только так и делается. Покупаешь отдельно “body” – “коробку”, а к ней уже – что предпочитаешь. Естественным образом, вспыхнул и разгорелся старый интерес. Словно проснувшись после длительного летаргического сна, я с увлечением узнавал, что нового появилось в этой области. Оказалось, что за эти десятилетия в фотографии (в ее технической части) произошла настоящая революция, вызванная в основном компьютеризацией и, отчасти, совершенствованием оптики и применением эргономики. Привели в восторг, например, фотовспышки. Как же они усовершенствовались – мощные, умные, компактные! Но, пожалуй, из всех

новшеств особое восхищение и уважение вызвала автофокусировка: ведь при съемке животных очень часто просто не успеваешь навести на резкость.

Выписанные фотографические журналы просветили и восхитили еще больше. Куда же тут денешься – надо выбирать фотоаппарат! Как это часто случается, победила более “раскрученная” марка – Canon. Сначала появился пленочный, затем и пришедшие к власти цифровые. Цифра! Вот уж где пир фанатику – что при съемке, что при обработке, что при печати. Как говорится, снимай не хочу!

...За прошедшие десятилетия изменилась и общая атмосфера в биологии, зоологии и, особенно, в охране природы. Слово “экология” из термина для адептов, для узкого круга посвященных превратилось в общераспространенное и модное словечко, используемое во всех сферах – от технического производства до социологии и лингвистики.

Что касается моей области занятий и интересов, здесь также произошла радикальная перенастройка понятий и общего восприятия. Изменилось, в частности, отношение к охоте, рыбалке, умерщвлению с научными целями и вообще к лишению жизни другого существа. Убийство животного стало все чаще рассматриваться в общефилософском и нравственном аспектах.

Все это происходило и со мной. Если в свои 14-17 лет я зачитывался охотничьими подвигами Джима Корбетта и много раз смотрел фильм “Барбаны судьбы” с десятками и сотнями убийств животных, то сейчас почти с отвращением вижу фотографии с трофеями в издании – потомке некогда любимого мною журнала “Охота и охотничье хозяйство”. Совершенно перестал понимать радость и гордость от того, что ты лишил счастья жизни живое существо, лишь минуты назад полное энергии и эмоций и миллионами нитей соединенное с окружающим миром. Особенно это касается, конечно, зверей и птиц. С животными из низших классов мои чувства не столь антропоморфны, но в общем такие же. Безмолвно разевающая рот рыба или беспомощно шевелящийся на причале краб – это то же самое.

Такую трансформацию отношения к охоте и убийству испытывают, насколько я знаю, многие зоологи, а зоолог, работающий в заповеднике, по моему, просто обречен претерпеть подобную эволюцию. Если на протяжении десятилетий в твои служебные обязанности входит в том числе сохранение благополучия всех обитателей заповедника, ты не можешь раньше или позже не начать относиться к ним по-особому, как к какой-то особой ценности. Это тем более происходит, если много наблюдаешь за изучаемыми (или снимаемыми) животными...

...На разлившемся от весенних вод временном озерке среди затопленных кустов ивы плавает пара чирков-свистунков. Она – серенькая, как все утки, он – яркий, с зеленовато-коричневой головой и блестящим зеленым зеркальцем на крыле. Негромко переговариваются, самец издает иногда тот самый музыкальный брачный зов, который когда-то так волновал меня, подкрадывающегося к ним с ружьем. С шумом садится на воду еще один самец, такой же яркий и возбужденный. Первый бросается на него, гонит среди стеблей и кустов. Плеск, брызги, нырки. Атака так горяча, что пришелец вынужден взлететь и отправиться искать счастья в другом месте. Хозяин гордо взмахивает крыльями, охорашивается. На озерке вновь воцаряются мир и любовь...

А вот сюжет из жизни неохотничьего вида, из отряда воробьиных. Горный конек – невзрачная птичка с нечеткими пестринками, весом всего около тридцати граммов. Период размножения. Самочка то кормит птенцов, то садится на какое-то время в гнездо погреть их: птенцы еще голые, а погода прохладная. Появляется самец. В клюве пучок насекомых. Быстро-быстро рассовывает корм в открытые рты и улетает далеко вдоль берега, метров за триста. Здесь другая самочка еще только строит гнездо. Наш самец начинает ухаживать за ней, происходит

спаривание, самочка возвращается к строительству, а наш дон Жуан летит еще дальше, метров за шестьсот, если не напрямик, а по берегу. По пути снова ловит насекомых. Из ниши под камнем появляется еще одна самочка. Третья. Трепещет крыльями, словно птенец-слеток, просит корм. Самец деловито отдает ей принесенную дань и торопливо улетает. Самочка возвращается в гнездо насиживать кладку...

За этой цепочкой сценок кроется драма целого поселения одного вида. Случилось так, что популяция горного конька на острове Большой Айнов после ряда неудачных сезонов почти вымерла: остались лишь три самки и один-единственный самец. И вот героическими усилиями эта маленькая компания сумела возродить население своего вида. Разве наш маленький герой-многоженец не заслуживает восхищения и уважения?!

Наблюдения за животными, живущими колониями, пожалуй, еще интереснее в плане поведения. Например, жизнь небольшой колонии серебристой чайки после близкого знакомства обязательно наводит на параллели с нами, грешными. Такие они все разные и так напоминают нас. Вот самец драчун. Так и норовит поскандалить с кем-нибудь из соседей. Вот – лентяй. Все время устраивает какую-то волюнку, когда приходит его очередь насиживать кладку. Вот этот самец склонен к адюльтеру: как только удаляется его супруга, он тут же спешит поухаживать за одинокими соседками. А вот эта самочка и сама ведет себя игриво...

После многонедельных наблюдений за животными, хоть одиночными, хоть колониальными, начинаешь различать отдельных особей, узнаешь их склонности и повадки. В общем, начинаешь видеть в них личности, индивидуальности. И, соответственно, чувствовать, что их жизнь представляет для мироздания такую же ценность, как и наша, человеческая...

...Так вот и получилось, что ко времени прекращения работы по специальности я смог и захотел – не знаю, что главнее – обратиться к тем занятиям, к тому образу жизни, о которых мечтал подростком, покупая в день шестнадцатилетия вожаденное ружье. Но – без ружья! И здесь уместно вспомнить, что при обоих этих занятиях – наблюдении за животными с научными целями и при съемке их на фото, кино, видео – есть еще и третья сторона – это экспедиции, жизнь на природе. В свое время, начитавшись повествований путешественников-иссле-

дователей, и в особенности Арсеньева, я увлекался этой оболочкой, антуражем серьезных занятий, пожалуй, даже больше, чем сутью экспедиций. Слово “бивуак” из книг Арсеньева и сейчас волнует меня. Жаль, что оно вышло из употребления.

Здесь со времени моего юношеского увлечения бродяжничеством с ружьем или удочкой тоже произошли громадные изменения. В те несытые пятидесятые я просто брал котомку, котелок военного образца, кусок хлеба, твердый брикет горохового супа, несколько картофелин и отправлялся в лес. С ночевкой тоже не было особой подготовки. Начинает темнеть, устраиваешься где-нибудь в знакомой или подвернувшейся охотничьей избушке, в стогу сена, у костерка или просто завернувшись в походный жесткий плащ, которым я страшно гордился.

...Встречая в книгах о путешествиях выражение “спальный мешок” и связывая этот предмет с суровой походной жизнью, я попросил маму сшить мне мешок из плотного тонкого брезента и спал в нем на полу или на раскладушке. Можно представить, что это был за отдых. Толком удавалось поспать только где-нибудь под утро, когда мама, сжалившись, накрывала меня нормальным одеялом. Только через годы я узнал, что спальный мешок – отнюдь не символ суровости и аскетизма. Мой нынешний мешок из гусяного пуха – проказник такой! – даже шит из чего-то, напоминающего на ощупь человеческое тело. А все прочее снаряжение... Очередной потоп соблазнов и расходов. Палатки, тенты, коврики, чехлы, жилеты, костюмы, ботинки, всевозможные отопительные устройства, таганы, горелки. Только в этом году я опробовал наконец коврик для сидения, или, в просторечии, “сидушку”. До чего полезная штука! И как это я прожил без нее всю жизнь? Придется жить заново.

Стоит, правда, отметить, что те ранние годы, о которых я вспоминаю, прошли на Среднем Урале, где в летние месяцы действительно можно переночевать, просто свернувшись где-нибудь под кустиком,

а сейчас речь о севере Кольского полуострова, где и в июле совсем не жарко. Здесь если “свернешься”, то к утру можешь и не развернуться...

...Вот так в конце концов мне посчастливилось объединить все три ипостаси, между которыми я разрывался в юные годы. Наблюдение, путешествие и охота. Только охота с ружьем заменилась на охоту с фотоаппаратом...

...Фотографии, вошедшие в этот альбом, за исключением нескольких “древних” слайдов, сняты в период с 2002 по 2008 год в основном на островах у северного побережья Кольского полуострова. В районе Кандалакши, то есть на юге Мурманской области съемки проводились с осени по весну – до отъезда в “настоящие” экспедиции. Основным источником знаний и впечатлений, конечно, явилась работа в течение почти сорока лет на Айновых островах, Большом и Малом, входящих в состав Кандалакшского заповедника.

Нельзя здесь не вспомнить с благодарностью тех людей, которые все эти годы терпеливо и заботливо опекали нас, перевозили на острова и обратно, выручали в трудные времена и удостаивали нас своей дружбы. Это в первую очередь несколько поколений пограничников Мурманского

морского пограничного отряда и работники, обслуживающие маяки побережья. Начав работу на островах ровесниками лейтенантов и “старлеев”, мы постепенно продвигались в возрасте и приятельстве по ступенькам званий и наконец закончили работу, когда контр-адмиралы стали казаться нам вполне молодыми людьми.

Сколько здесь можно было бы вспомнить моментов, связанных с многочисленными высадками, снятиями и переходами! То это неудачливый матросик, спотыкающийся раз за разом в прибое и раз за разом окунающий в воду наш чемодан с аппаратурой. То валенки, аккуратно вложенные друг в друга и уплывающие вдаль от пробитой при высадке шлюпки. То цепочка бревен для бани, выгружаемых с корабля на берег с помощью “закольцованного” линя. То снятие с острова в декабрьский шторм, когда у гребцов отказывались работать заочневшие руки. То, напротив, волшебный, сказочный штиль, когда голоса разговаривающих в шлюпке разносятся на сотни метров над зеркально гладкой водой. Всех этих людей в любимой нами морской пограничной форме мы вспоминаем сейчас с благодарностью и нежностью.

Когда я говорю “мы”, “нас”, я имею в виду, кроме себя самого, мою верную на протяжении этих сорока с лишним лет “girl-friend” Иветту Татаринкову, истинного, а не рожденного книгами, как я, зоолога, человека, полностью разделяющего и понимающего мои интересы, увлечения и причуды, мнение и советы которой я высоко ценю и учитываю. Я уж не говорю об ее уникальной, почти мазохистской готовности уступать (а иногда почти навязывать) финансы на всяческие мои не сулящие никаких выгод “игрушки”.

В развитие темы предыдущего абзаца. Последние шесть лет я езжу в фотоэкспедиции уже один и каждый раз обязательно вспоминаю незабвенную Гюльчатай из “Белого солнца пустыни”... И все это я должен делать один?! И фотографировать, и заготавливать дрова, и носить воду, и готовить обед, и мыть посуду, и стирать, и подметать пол, и починивать одежду? И даже во время собственно фотографирования мне то и дело не хватает то “проводящего” в укрытие, то “загонщика”, то, наконец, просто “пугала”...

Зато, слава Богу, всегда и везде есть готовые помочь люди. В губе Подпахте и в поселке Дальние Зеленцы меня выручал в переездах и охотно предоставлял кров и помогал обеспечить “стол” инспектор заповедника Николай Елисеев, терпеливый страж и прекрасный ходок, работающий в заповеднике лишь чуть меньше меня и с которым мы увиделись впервые за эти годы.

На архипелаге “Семь островов” в течение двух фото-сезонов я получал всестороннюю поддержку от моих молодых коллег-зоологов – преподавателя Липецкого педагогического университета, кандидата биологических наук Михаила Мельникова и аспиранта Московского педагогического государственного института Андрея Осадчего. Но это, можно сказать, –

родственные души, тут иного и не могло быть. Оба они принадлежат к упорно не вымирающему племени беззаветных и бескорыстных тружеников на ниве науки зоологии.

Что же касается собственно издания этого альбома, то самой большой моей благодарности, без сомнения, заслуживает Геннадий Александров, фотограф, биолог по профессии, мой давний приятель и единомышленник по съемкам, походам, экспедициям. Занесенный пертурбациями последнего времени на тропу писательства и книгоиздания он, на мой взгляд, неплохо преуспел в этом деле. Лишь благодаря ему возник сам замысел альбома, и достаточно энергично проходила работа над ним. Для меня участие Геннадия в качестве настойчивого “тяни-толкая” и знающего советчика было не только полезным, но и абсолютно необходимым. Без него я, скорее всего, вообще никогда бы не пришел к чему-то реально осязаемому.

В заключение несколько слов о фотографиях, включенных в альбом. Моим самым сильным впечатлением, после того как я вновь начал фотографировать, оказалась трудность этого занятия. Раньше я этого как-то не чувствовал. При съемке каждого вида – свои сложности. И все технические новшества последнего времени почему-то не так уж облегчают съемку. Трудно дается даже пейзаж – казалось бы, безропотный жанр.

В результате к.п.д. фотосъемки, если его оценивать по количеству пригодных для показа кадров, оказывается очень низким. Практически не бывает фотографий, о которых ты мог бы сказать: “Вот, это то, что нужно. Больше нечего и желать”. Программы для фоторедактирования, конечно, дают фантастические возможности, но, во-первых, и они не всемогущи, а, во-вторых, (а может, и во-первых) надо же знать меру и иметь совесть.

Рыжик. Так звали мы этого юношу бельчонка. Именно на нем я отступил от принципа не фотографировать домашних питомцев. Но Рыжик при том, что он полностью врос в нашу жизнь, остался в то же время настолько недомашним, что снимать его как дикое животное казалось позволительным.

Выкормленный из бутылочки, он подрос, покрылся рыжевато-серой шерсткой, отрастил какой-никакой хвост и ... поехал с нами на Айновы острова... Но это уже, как говорится, совсем другая история. Скажу только, что под напором его жажды свободы мы в конце концов не выдержали и оставили форточку навсегда открытой...

Для меня, к счастью, положение облегчается тем, что я отношусь к тем, кто не только не осуждает использование при фотографии сопровождающего текста, но и во многих случаях считает его почти обязательным. Понятно, не во всех жанрах и не всегда.

При показе же фотографий животных, я уверен, текст во многих случаях просто необходим. Ведь большинство читателей просто-напросто не знают животных и не могут воспринимать изображенное в нужном ключе. Необходимо пояснение. Хотя бы в более или менее развернутом названии. А это, по моему, уже в какой-то степени позволяет снизить требования к качеству фотографии. Естественно, она не может быть откровенно слабой, но все же часть ответственности с нее, я думаю, снимается. И дело не в том, что высококачественный снимок является самодостаточным, а недостаточно хороший требует комментариев. Нет, предметом показа, демонстрации становится уже не фотография, а тандем фотографии и текста, и поэтому изменяются и суть и критерии оценки...

Вот такими рассуждениями я и руководствовался при отборе снимков. Разумеется, я сознаю, что качество части фотографий могло бы быть и повыше, но все же лелею надежду, что большинство их

способно выполнить задачу, которую я ставил перед собой: как бы поднести к глазам читателя бинокль, побудить его остановиться, взглядеться. Полюбоваться. И поразмышлять... Если же этого иногда не произойдет, пусть, как писали сочинители прошлых веков, простит меня мой благосклонный читатель.

...Прошло больше месяца после написания первых строк. Заканчиваю предисловие уже в городе. Жужжит компьютер. За окном – тихое августовское предвечерье. Падают первые пожелтевшие листья тополя и березы. Две сороки пробуют оставленный кем-то громадный кусок арбуза (видимо, для людей уж вовсе несъедобного). На коврике негромко похрапывает японский хин конечно же по имени Самурай. Из-за стены доносится ритмичный топоток юного бельчонка, разумеется, получившего имя Тарзан. На кушетке, уютно свернувшись, спит одна из трех наших кошек, а более точно, один из двух наших котов, так и именуемый – Кот, или, для друзей, Котя... В доме и вокруг – мир и благодать. Да будет так. И ныне, и присно, и во веки веков...

Желаю всем читателям успехов в начинаниях, интересных увлечений, любви и терпимости к нашим соседям на всех параллелях и всех возможных видов.

НА СЕВЕР, ДОМОЙ

Поднимаясь по ступенькам параллелей все дальше к северу, весна добирается наконец до Белого моря. Ледовый покров, еще недавно казавшийся таким несокрушимым, начинает поддаваться в своем слабом месте – возле берега.

Сначала возникают отдельные трещины, в глубине которых во время прилива бьют прозрачные фонтанчики, затем появляются полыньи, и вот где-нибудь в начале апреля девственно чистые новорожденные льдины и по-весеннему праздничные облака могут любоваться своими отражениями вдоль всего побережья.

К середине апреля море в основном освобождается ото льда, и лишь кое-где по берегу ожидают своей судьбы последние, массивные льдины-могикане.

А в сопках в это время буйствуют ручьи, пробивая путь к морю, и гул их разносится далеко окрест.

...И спешат к родному Северу птицы.

Первые дни мая. С юга прилетели птицы многих видов. Одни уже приступили к гнездовым делам, другие пока готовятся, третьи – помоложе – проводят время праздну, вообще не собираясь гнездиться в этом году. На этой льдине катаются чайки сразу четырех видов: серебристая, две озерных, сизая и морская. Ничего, как видим, – не ссорятся.

А это компания обыкновенных гаг. Самцы, гагуны, прибыли в район размножения несколько раньше самок, поэтому численность полов не совсем равная. В группе на снимке соотношение и вовсе напряженное – на одну даму приходится больше десятка кавалеров.

Позднее ситуация станет спокойнее, а пока в стаях гаг – постоянные схватки, погони и далеко разносящиеся над водой гулко-гортанные брачные крики гагунов.

СКРОМНЫЙ ГЛАВА БОЛЬШОГО СЕМЕЙСТВА

Даже не искушенные в биологии люди знают, что, систематизируя животный мир, зоологи подразделяют его на различные группы: классы, отряды, семейства.

И так уж сложилось, что имя одному яркому семейству в классе птиц дал чистик, самый, на мой взгляд, скромный его представитель. В семейство чистиковых кроме него входят, например, такие “видные” птицы, как кайры, тупики, топорки.

Чистик же скромен во всем: и размером, и внешностью, и голосом. Экстремален он, правда, в смене цвета наряда – с черного летом на белый зимой.

Гнезда чистики устраивают в нишах среди камней, в щелях скал, откладывая чаще всего два яйца. Совершенно беззащитны чистики по отношению к хищникам – крылатым и четвероногим. Самое решительное, что они могут делать в острой ситуации – это разбрызгивать клювом воду.

В брачный период, однако, чистик никому ни в чем не уступает. В стаях на воде, насчитывающих иногда десятки птиц, часты погони, ныряния и даже короткие стычки. Постоянно слышен тонкий протяжный писк – так они ругаются.

В ухаживании самец также оказывается – как то неожиданно – крайне настойчив. Иногда самочка просто не знает, как избавиться от ухажера. Нет покоя от него ни на воде, ни на берегу.

Корм птенцам чистики приносят, как правило, в клюве и часто, прежде чем доставить его по назначению, долго сидят на валунах или прибрежных скалах, соблазняя “прохожих” видом извивающихся рыбок.

!!!

Характерной особенностью в жизни поселения чистиков являются, так сказать, “посиделки”, когда десяток-другой птиц рассаживаются на затопленных во время прилива валунах или скалах возле воды. Переходят с места на место, общаются, иногда конфликтуют.

Время от времени некоторые птицы слетают на воду, но вскоре снова возвращаются. Длится такие посиделки один-два часа и обычно устраиваются в полную воду.

Однако не всегда и не везде покрасоваться с добычей в клюве бывает просто.

Так, на Семи островах стоило чистик с рыбкой взобраться на валун или скалу, как к нему тотчас направлялся кто-нибудь с явным намерением ограбить.

Затем, после потасовки, погоня могла продолжаться на воде и даже под водой.

И хотя я не видел ни одного случая успешного ограбления, попытки отобрать добычу наблюдались постоянно.

А вот на воде плавать с добычей можно было подолгу, что чистики часто и делали.

Жизнь чистиков архипелага “Семь островов” показалась мне более сложно организованной, чем у их сородичей на западе Мурмана.

Во-первых, они часто, как заправские орлы, устраивают свои гнезда в скалах в сотне-другой метров от берега, иногда тут же занимаясь брачными делами, выяснением отношений с соседями и семейными “разборками”.

Во-вторых, держатся на воде большими стаями, каждая напротив своего “родового” ущелья. И в-третьих, здешние самцы оказались гораздо более сварливыми соседями и ревнивыми супругами.

Во время общественных “тусовок” в полную воду часто можно было видеть стычки то на воде, то на прилежащих скалах, то на заливаемых приливом валунах. И схватки эти порой были достаточно жаркими. Впрочем, нередки были и сцены нежности даже в конце периода размножения.

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И ДРАЧУНЫ

Вот такими двумя словами можно создать достаточно полный портрет полярной крачки. Причем первый признак завершен официально: эта птица занесена в Книгу рекордов Гиннеса как самый дальний мигрант. Полярная крачка, окольцованная на Белом море, встречена на севере Антарктики. То есть она пролетела минимум 14 тысяч километров по прямой.

А то, что они – драчуны, подтвердит каждый, кто побывал на колонии крачек. Не знакомый с этой повадкой человек может быть, мягко говоря, удивлен, получив удар клювом, словно гвоздем, по голове. Иногда они, правда, бьют по голове животом. Это не так больно, но все равно обидно. Да еще птица издает при этом противный утробный крик-звук. Ну и в обоих случаях крачка использует также излюбленное средство поражения многих птиц – экскременты.

Третья ее особенность безобидна – большая изменчивость характера размножения. То полярных крачек очень много, то мало, то нет совсем, то гнездятся преимущественно молодые птицы.

А в остальном это – красивая, ловкая и приятная птица. И всегда восхищает полет крачек. Быстрый, стремительный, с неожиданными зависаниями и быстрым стартом.

Когда один из родителей улетает на добычу корма, маленьких птенцов крачки всегда обогревает другой член пары.

Поражает, как птенец, сидящий под птицей, ухитряется услышать и распознать голос возвращающегося родителя среди гвалта сотен птиц колонии.

Но осечек почти не бывает, и при съемке момента прилета я в конце концов научился полагаться не на себя, а на поведение птенцов.

Успешность размножения крачек очень изменчива и зависит от кормовой базы. Когда мелких рыбок – основного корма крачек – много родителям удается выкормить всех птенцов.

Но бывают тяжелые, бескормные годы, и как бы ни напрягались взрослые птицы, принося почти каждую минуту какую-нибудь беспозвоночную мелочь, птенцы погибают один за другим до полной гибели выводка.

В некоторые сезоны, когда с кормом плохо у всех видов птиц, крачкам приходится тяжело уже во время насиживания кладок. Отдельные особи, например, из воронов или морских чаек, – профессионалы со стальными нервами, хладнокровно игнорирующие атаки крачек, могут систематическим грабежом известить колонию полностью.

Эта семья полярных крачек была под наблюдением с самого начала ее истории...

Инкубационный период прошел благополучно, и в положенное время появились два хорошеньких птенца. Иногда в одном выводке бывают птенцы разного цвета – порыжее и потемнее, так было и в этом семействе.

Увы, этот сезон оказался одним из самых тяжелых. Как ни старались родители, как ни выбивались из сил, трагичный исход был неминуем.

Придя через некоторое время для очередных наблюдений и съемки, я нашел лишь одного птенца, другой был мертв и, как это часто бывает у птиц, растоптан родителями и братцем.

Родители продолжали так же самоотверженно кормить оставшегося птенца, но судьба в этом году была против них. Положение с кормами не улучшалось.

Птенец, едва проглотив очередное крошечное прозрачное беспозвоночное, тут же вновь открывал клюв, отчаянно умоляя родителей.

...Идя к территории колонии в следующий раз, я уже издали понял: героическая и мучительная эпопея крачек в этом сезоне завершена. Уютная кочкарниковая низина, недавно кипевшая жизнью, опустела. Лишь несколько птиц как-то неприкаянно перелетали с места на место.

Был пуст и гнездовый участок моих знакомцев.

ПРИЧУДЫ ОСЕНИ

Иногда осени бывают настолько теплыми – а в последние годы это случается все чаще – что растения и животные долго продолжают чувствовать себя по-летнему, и отлаженный механизм подготовки к зиме дает сбой.

В сентябре вдруг слышишь бормотание тетерева, как на весеннем току, или барабанную дробь дятла, как в марте-апреле. Но чаще обманываются растения, некоторые из которых в пору бабьего лета начинают цвести.

Из ягодных кустарничков наиболее доверчива брусника, и нередко по осени на одном ее кустике можно увидеть в одно время и ягоды, и цветы. Реже обманываются деревья, но такое случается и с ними.

Рябина на нижнем снимке тоже была спровоцирована ненормально теплой осенью, правда, цветы появились лишь на одиночных деревьях и все равно скоро завяли, хотя погода продолжала оставаться теплой.

Эти цветки брусники не станут ягодами.

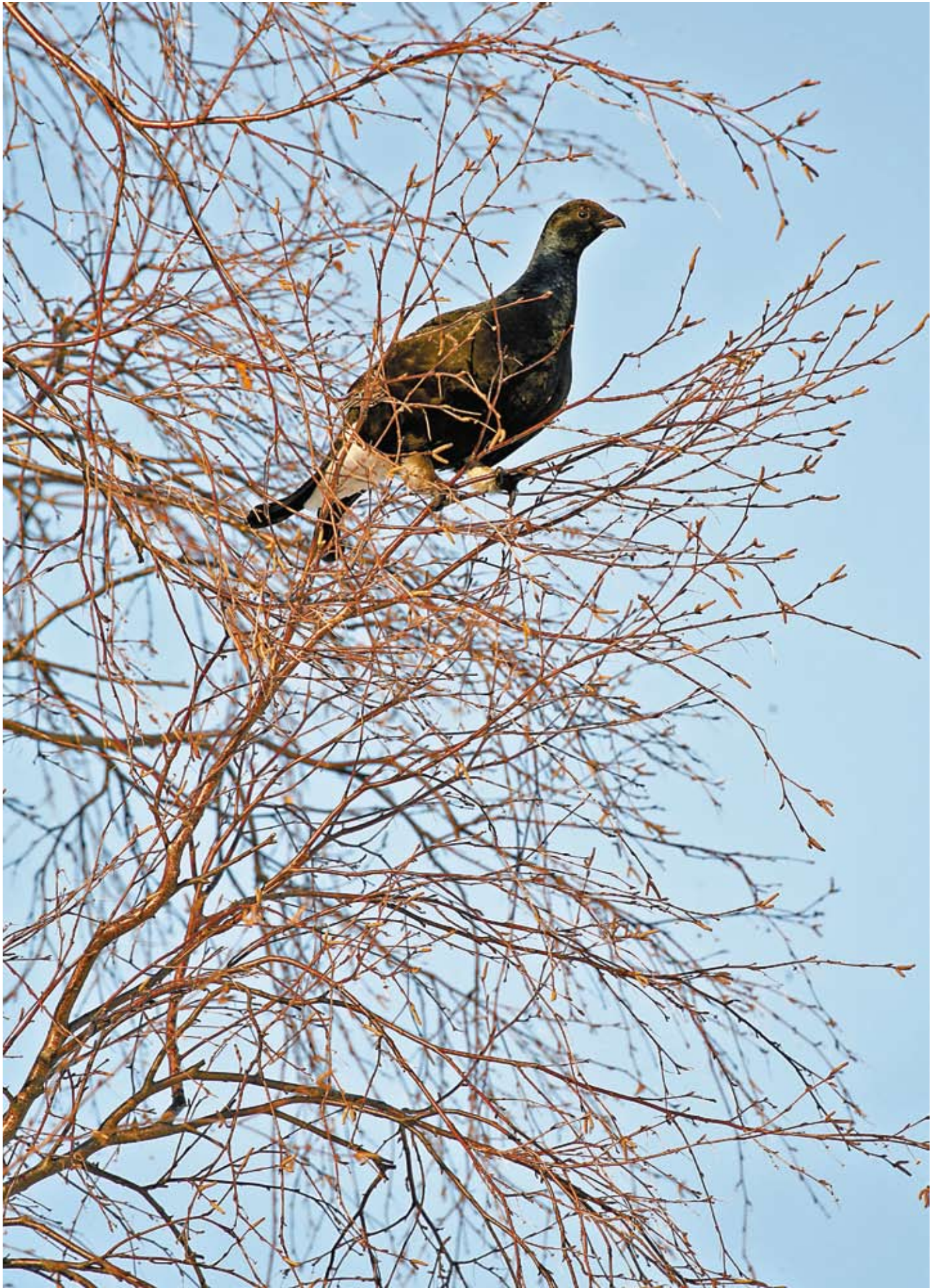

Осеннее оживление, наблюдаемое у животных, не столь тесно связано с погодой и у некоторых видов происходит почти регулярно.

Например, самцы некоторых видов воробьиных птиц по осени начинают петь и совершать брачные токовые полеты, хотя и не так страстно, как весной. Чаще и как-то по-другому, нежели летом, звучит осенью и всем известная барабанная дробь дятлов – их средство общения и любовная песнь.

Одним из самых романтических проявлений осеннего периода любви я бы назвал токование тетеревов. Иногда в ясный сентябрьский день вдруг слышишь журчание, словно где-то пробивается сквозь снег весенний ручей.

Это токуют, сидя на березах, тетерева, и в тишине перелесков их вроде бы негромкое “бормотание” разносится на сотни метров.

Свиристели на рябинах, в отличие от поздних цветов, – характерная примета осени.

Даже не интересующийся птицами человек обязательно заметит энергичные, активно перелетающие стаи этих красивых птиц, издающих приятные свирястящие трели.

Свиристели – прирожденных кочевники, жизнь которых тесно связана с рябиной. Птенцов они выкармливают насекомыми, которых мастерски ловят на лету, но взрослые птицы питаются в основном ягодами.

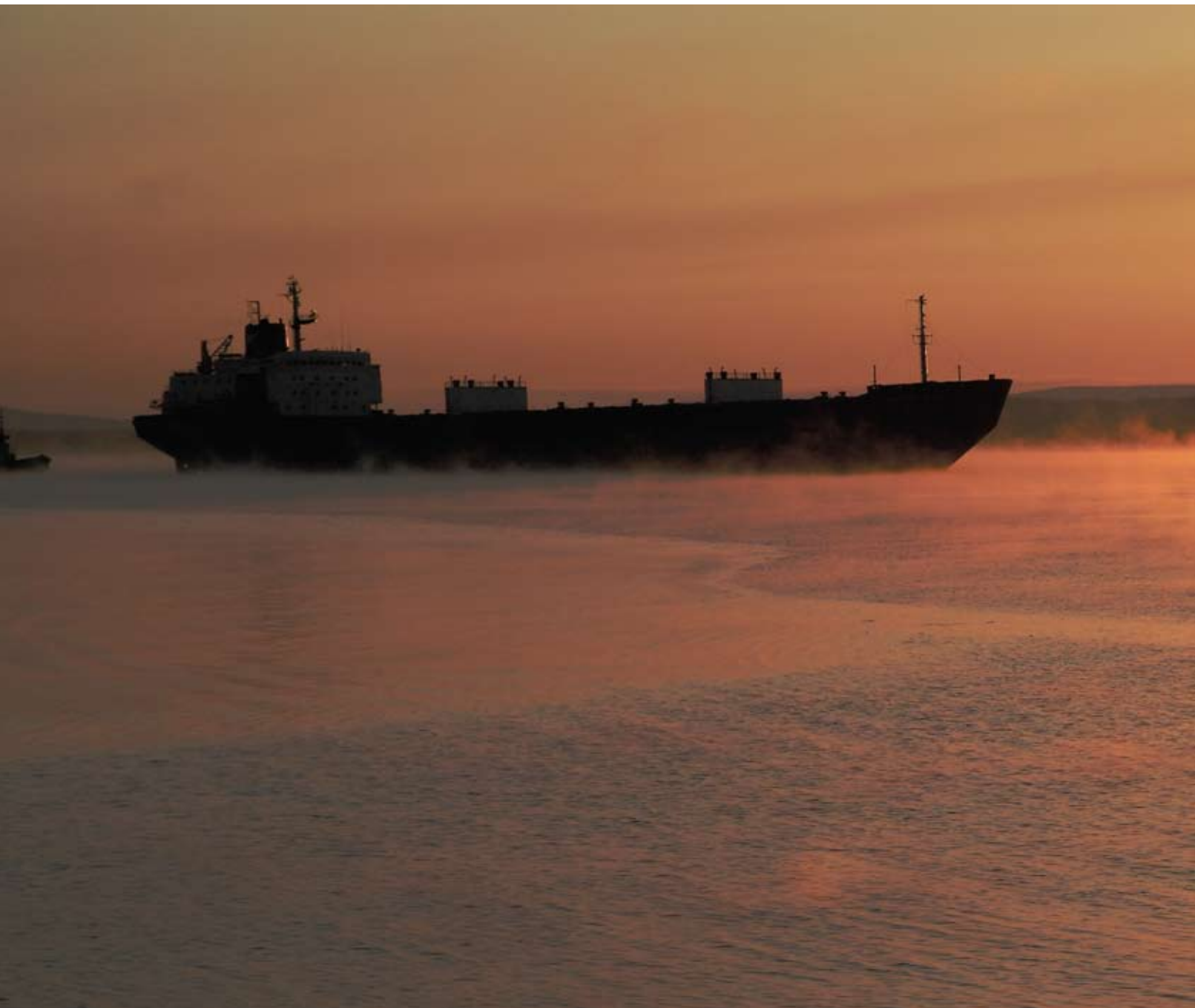
И рябина – их любимая ягода, урожайностью которой и определяются в основном маршруты и длительность их кочевок.

Когда внизу, на уровне моря еще достаточно тепло, в сопках уже подмораживает. Озера затягиваются ледком, а ягоды ночью покрываются инеем и становятся каменно-твердыми. Позднее, с появлением солнца, ягоды оттают и восстановят свою “товарную” форму для желающих полакомиться ими.

“Куда ж нам
плыть?”
Льдины
словно
задумались:
то ли
отправиться
в открытое
море, то ли
вернуться в
привычное
устье реки.
Но за них все
решит ветер,
стихший
ненадолго
перед сменой
направления.

“ИДЕТ ВОЛШЕБНИЦА ЗИМА...”

Характер у этой волшебницы непостоянен, но к Кольскому региону она обычно весьма снисходительна, благодаря смягчающему влиянию Мурманского течения – внука знаменитого Гольфстрима. Хотя иногда случаются затяжные морозы под тридцать и более градусов, однако бывает это редко. Причем на севере полуострова – теплее, чем на юге.

В западной, более теплой части Баренцева моря, некоторые местные птицы остаются на зимовку, а кроме того, добавляются виды, пришедшие из восточных районов страны.

Леса на юге области довольно пустынные, иногда часами можно не встретить ни птицы, ни зверя. Чаше всего, пожалуй, видишь белок, рябчиков, чечеток, гаичек и снегирей, не говоря уж о вездесущих воронах и сороках. Ну и, конечно, всюду видны изящные следочки полевок.

В СУМЕРКАХ НОЯБРЯ

Остров Большой Айнов. Ноябрь. Словно заколдованное войско, застыли полузанесенные снегом кочки. Ни движения, ни звука, только подрагивают под ветром сухие стебли купыря и дягиля. Иногда оживит картину белохвостый орлан да деловито пролетит группка ворон. Вся жизнь в это время сосредоточена на берегу. Оживленно переговариваются оставшиеся на зимовку морские песочники, но они совсем незаметны на фоне своих соседей – серых тюленей. У тюленей самый активный и решающий период их жизни – щенка.

Всего их на острове около двух сотен. Точнее, столько здесь самок. Самцов несколько меньше, так как у некоторых из них не одна супруга, а две-три и даже больше. Есть какое-

то количество холостых самцов – неопытных молодых или неудачников-взрослых. Бывает, они сильно докучают женатым сородичам, пытаются всеми правдами и неправдами завладеть хотя бы одной из их жен.

Родив младенца, мать первые дни неотлучно находится рядом с ним и лишь позднее начинает ненадолго спускаться к воде. Некоторые из них, самые смелые, не уходят даже при приближении человека, а вот среди самцов смельчаков не обнаруживается: как правило, они сбегают в море при малейшей тревоге. Примерно через пятнадцать-двадцать дней самки начинают благосклонно принимать ухаживание самцов, и вскоре происходит закладка потомства следующего года.

Уже на второй-третий день белек начинает ориентироваться в окружении, способен достаточно бодро ползать, но, конечно, не удаляется далеко от места своего рождения. Может он и огрызнуться, если к нему приблизишься, и даже совершает короткие выпады.

Выглядит он в эти моменты очень трогательно – милая напуганная, обслюнявленная и обсопливленная от напряжения мордашка. Проголодавшись, зовет маму, и зов очень напоминает “ма-а-а-ма!”.

Мать-тюлениха кормит детеныша очень часто, и впечатление такое, что ей это нравится. То и дело бывает так, что тюлененок уже явно насытился, а мама все подталкивает его к соскам.

Насытившись, щенок начинает развлекаться – как может. А возможности, честно говоря, очень невелики. Только перекатываться с бока на бок, махать лапами да совать их в рот. Уже дней через десять-двенадцать тюлененок становится толстым буквально “как бочка”, и с играми становится совсем туго.

На третьей неделе жизни щенка самка становится легкомысленной, позволяет ухаживать за собой, а порой и сама проявляет инициативу.

Вскоре после спаривания она оставляет и детеныша, и район размножения, куда возвратится лишь на следующий год.

Оставшись один, щенок продолжает линьку, к возрасту 30-40 суток теряет детский пух и становится черным. Все это время он не кормится, заметно худеет и также вскоре оставляет остров.

Юные щенки серого тюленя не столь очаровательны, как детеныши других, более мелких, тюленей, однако вполне трогательны и милы. Причем иногда можно отличить самцов и самок “по лицу”.

Вот этот, например, – мужчина. Он получил прозвище “домосед”, так как все детство провел в своем доме – нише под выступом скалы, куда он сейчас, после трапезы, и направляется.

